

Столяров Ю.Н.

Моя позиция — в центре

Автор полемизирует с активными защитниками библиотечной деятельности советского периода, считает несостоятельной их однозначно позитивную оценку того времени, а также вносит предложения по выводу библиотечного дела из кризиса.

О ленинской концепции библиотечного дела я пишу лет пятнадцать — двадцать, особенно много — в последние годы. Я проанализировал ключевые позиции В.И. Ленина по обсуждаемому вопросу, определил их истоки и выразил в общем и целом свое отношение к ним. Тема казалась исчерпанной: по ней высказано столько разных точек зрения, что нового вроде бы уже нечего и предложить.

Ан нет, страсти не утихают. Приходится и мне возвращаться к уже неоднократно освещенной проблеме. Начинал я исследование полемикой с ортодоксальными ленинистами. Потом — с представителями противоположной стороны. Статья В.В. Серова, Б.Н. Бачалдина, Р.З. Зотовой, Е.А. Фенелонова "Ломать — не строить" [Библиотека. 1993. № 2—3] и подобные ей вынуждают вновь полемизировать с теми, кто считает себя защитниками В.И. Ленина, исполнителями его установок.

Прежде всего замечу, что рассматриваемая тема, как видно из продолжающейся дискуссии, все еще не исчерпана, интерес

научной библиотечной общественности к ней не угас. Еще есть активные сторонники ленинских взглядов, такие нестигаемые твердокаменные большевики-ленинцы. Я уважаю их взгляды. Мне уже доводилось писать, что с равным интересом отношусь как к одной, так и к другой крайней точке зрения, поскольку выразители каждой зорко следят за представителями противоположной, лучше чем кто-либо замечая изъяны в их рассуждениях и высказывая аргументы в свою пользу. А в итоге все это служит объективному поиску истины. И наконец, радуюсь тому, что наша профессиональная печать проводит действительно правильную научную политику, давая возможность излагать свои мысли сторонникам всех точек зрения по тому или иному вопросу.

Теперь по существу. В упомянутой статье ветеранов библиотечной науки и практики, долгое время бывших их формальными лидерами, проводится, кратко говоря, всего одна мысль: прежде, когда успешно реализовывалась ленинская концепция библиотечного дела, в библиотечном деле все было хорошо. И никакие пустяки не портили общей благополучной картины. Те, кто эту картину видел иначе, — необъективные люди.

Среди прочих лиц критикуют и меня: раньше, мол, Ю.Н. Столяров писал о ленинском наследии правильно, был их союзником, а теперь свою позицию резко изменил, стал перебежчиком. От такой трактовки эволюции моих взглядов на ленинское наследие хотел бы отмежеваться.

Если бы мои оппоненты (а вы были ими и в 1960–1980-е гг.) сказали: "Вспомните, Юрий Николаевич, раньше Вы Ленина от нас защищали, а теперь мы от Вас его защищаем", то я бы ответил: "Да, это позиция". Это был бы научный спор. А сейчас ведь вы лукавите немножечко, а? Давайте вместе кое-что вспомним.

Не я ли был одним из самых неудобных ваших оппонентов при начале тотальной централизации? Не я ли опровергал фактами все ваши исходные постулаты в пользу этой затеи? Вспомните: вы исходили из того, что централизация нужна для разнообразия фондов, а то все библиотеки похожи друг на друга, как близнецы! Но мы со студентами проверили эту гипотезу в экспериментальных библиотеках, и оказалось, что процент совпадений в фондах настолько мал, что свидетельствует даже об отсутствии в них типовой, т. е. повторяющейся части — ядра.

Вы думали, что, увеличив ассортимент названий за счет сокращения экзemplярности, предоставите читателям больший выбор литературы. Но здесь, во-первых, не учитывалась такая психологическая особенность читателей, как мода на избранный круг произведений, требующая как раз иного — повышенной экзemplярности отдельных изданий сразу во всех библиотеках; во-вторых, ваши надежды на резкий всплеск запросов по МБА не оправдались, да и не могли оправдаться ни по законам теории, ни по реалиям практики; в-третьих, вы рассчитывали, что при централизации ускорится обработка, упростится учет. На деле произошло иное. И неужели вам самим было непонятно, что отсутствие элементарных материальных условий — телефонов, автомашин, множительной техники и т. п. — способно лишь дискредитировать полезную саму по себе идею централизации. В-четвертых, вы возлагали надежды на бюллетени новых поступлений. Их исправно печатали, но пользоваться ими мало кто хотел — неудобно, неинформативно, бесполезно и т. д. Только тонны бумаги зря перевели, труда сколько вложили — и ради чего? В-пятых, вы хотели ввести так называемый принцип универсальности фондов, чтобы резко сократить долю художественной литературы и увеличить долю производственных изданий. Кто против этого нелепого и вредного принципа выступил? В.И. Терешин да я. Его одобренную редколлегией статью изъяли, набор рассыпали. Потом, после выхода одного из постановлений ЦК КПСС, вменявшего в обязанность даже непрофильным издательствам выпускать художественную литературу, вы мгновенно переориентировались и принялись обвинять библиотекарей, успевших в соответствии с вашими прежними указаниями об универсальности сделать из библиотечного фонда уродца, имеющего одинаковой длины руки, ноги, туловище и голову. Дали вы мне возможность выступить в печати с критикой этих и подобных ваших идей? Увы.

Ответьте по совести: разве таким хотел видеть библиотечное дело В.И. Ленин, каким оно стало под вашим чутким руководством? Кто должен был воплощать ленинские заветы в жизнь в первую голову? Вы. А вы чем занимались? В значительной мере — показухой. Бюрократической централизацией в частности. Очковтирательством и поощрением оного. Это вот к таким-то ре-

зультатам привел ленинский этап? В.И. Ленин считал, что советские библиотеки в массовом порядке должны перенять все лучшие традиции западного опыта и при этом вести работу еще на порядок качественнее их. Приблизились ли мы к этому? Нет, намного отстали.

Теперь вот и скажите: а были ли вы ленинцами на самом-то деле? Вы меня критикуете за утверждение, что мы не выполнили ленинские указы ни в целом, ни в частностях, что привожу соответствующие факты. А какие контраргументы даете вы? Да никаких вообще. Мои выводы безапелляционны? Так приведите другие. Я пишу: не обеспечен удобный режим работы библиотек. Может, это неправда? Я утверждаю: бедность простых и практичных способов хранения и сбережения фондов как имела место почти сто лет назад, так и имеет. А вы где-нибудь видели их богатство? А про пожары в библиотеках слышать не приходилось? А о затоплениях? Нет?

Где вы прочитали в моих работах, что у Ленина не было никакой программы библиотечного строительства? Это вы меня с кем-то спутали. Я выступал в 1990 г. на Всесоюзной юбилейной ленинской научной конференции и затем в печати с обоснованием тезиса, что у Ленина была стройная концепция библиотечного дела. Я и сейчас так считаю. Другой вопрос — правильна ли она во всех своих частях? Третий вопрос — верно ли вы и вам подобные начальники воплощали ее в жизнь? Четвертый вопрос — а можно ли ее воплотить в принципе? На переломе 1980—1990 гг. мне казалось, что можно, как же — демократия, перестройка, социалистический выбор. Очередная иллюзия, очередной миф. Так вот, эволюция моих взглядов состоит в постепенном прозрении. В медленном осознании того, что далеко не во всех своих позициях ленинская концепция научна. В понимании, что те, кто по долгу службы, научной и партийной совести были обязаны в первую голову реализовать правильные ленинские установки, этого, увы, не делали. Они сами себе присвоили право толковать Ленина по своему усмотрению и беспощадно боролись против всякого инакомыслия, даже направленного на истинное прочтение Ленина.

Кто поддержал меня, когда в 1981 г. журнал "Библиотекарь" развязал визгливо-ортодоксальную кампанию против моей книжки о ленинской партийности в библиотечном деле? Широкая биб-

лиотечная общественность. А вы дружно пребывали в противоположном лагере. Где находились вы, когда в 1982 г. меня обвиняли во всех смертных грехах за монографию о библиотеке? Там же. Так что, если кто и был последовательным ленинцем, то не вы. Как это для вас и всего общества ни прискорбно.

Да вы и сейчас, строго-то говоря, не ленинцы. И вот почему. Уж если вы так сожалеете о безвозвратно минувших временах, проанализируйте честно, почему столь мощная монолитная система развалилась в одночасье? Почему ностальгию по ней испытывают только ее адепты? Я внимательнейшим образом прочел вашу статью и подумал: представим на минуту, что все вернулось на круги своя и каждый из вас снова в высоком кресле. Что вы предложите для прогресса библиотек? Да вы вновь будете уверять весь мир, что у нас все хорошо и даже лучше всех, ну т. е. точь-в-точь все по Ленину, а к 2000 г. вообще наступит полный библиотечный коммунизм.

Я опять безапелляционен? Давайте почитаем ваши предложения и поразмыслим над ними.

Вы по-прежнему пытаетесь убедить, что, несмотря на известные всем, включая вас, факты, библиотечное дело находится не в глубоком и все углубляющемся кризисе, а всего лишь в предкризисном состоянии [Пашин А. От отрицания — к созиданию // Библиотека. 1993. № 8]. "... Главный путь совершенствования библиотечного дела — это дальнейшее развитие централизации, координации и кооперации..." [с.14]. Знакомые слова. Даже когда этот путь составлял стержень партийно-государственной политики, он не привел к желаемому результату, а о каком "дальнейшем развитии" можно вести речь сейчас, когда исчезло само понятие "сеть библиотек"?

Снять с библиотек налог на добавленную стоимость, ввести закон о библиотечном налоге. Если такой налог рассматривать как дополнительный к существующим источникам бюджетного финансирования (из статьи А. Пашина неясно, взамен или в дополнение предлагается ввести такой налог), то — да, это хорошее предложение, оно заслуживает обсуждения. Но при предварительном условии, что этот налог не приведет к дальнейшему обнищанию и без того нищего народа. Что, однако, величина налога будет достаточна для достойного функционирования библиотек. Как

выйти из этого противоречия? Нужны не благие пожелания, а конкретная проработка идеи. Тогда ее можно заложить в закон о библиотечном деле.

Федерация библиотечных ассоциаций должна создавать собственные предприятия по выпуску и снабжению библиотек литературой и техническим оборудованием? Полноте, да выдержит ли она конкуренцию и где возьмет первоначальный капитал?

"Научным центрам библиотековедения предстоит довести до конца начатые ранее исследования по проблемам размещения сети библиотек, специализации филиалов ЦБС, комплектования фондов, организации их управления" [с.15]. Но все эти исследования разом потеряли актуальность в новой социальной действительности. Теперь нужны новые исследования. Вот только кто будет их финансировать и кому нужны научные рекомендации?

Позитивная программа Б.Н. Бачалдина [Субъективные суждения // Науч. и техн. б-ки. 1993. № 10] тоже состоит из нескольких пунктов. Первый: надо выработать принципы обновления библиотечной сети. Другой бывший начальник — и опять про сеть, про ее обновление. А обновлять нечего. Все сети порвались. Кроме самых мелких и слабых — муниципальных. Надо ли плести новые, возможно ли это в принципе — вот какой вопрос нуждается в исследовании прежде всего.

Второй: надо обновить мировоззренческую базу отечественного библиотековедения. Снова апелляция к науке. Поговорим о ней. Названа, бесспорно, актуальная задача. И едва ли не единственная во всем нашем библиотечном деле, которая успешно решается без внешних понуждений и призывов. Подлинная перестройка профессиональной мировоззренческой базы происходит именно сейчас, в том числе и в ходе данной дискуссии. А не тогда, когда ее видели главным образом в том, чтобы скорее внедрить все ту же бюрократическую централизацию, да тем и отчитаться перед начальством по части перековки нашего мышления. Как видим, у прежнего начальства до сих пор централизация — свет в окошке, так что расчет тогдашних приспособленцев был правильным.

Словом, провозглашать задачу обновления мировоззренческой базы сейчас — это ломиться в открытые ворота. Но если уж она представляется кому-то столь важной, необходимо учитывать,

кто является заказчиком новых идей, кто берется финансировать их разработку и не появится ли снова давнишняя начальническая привычка объяснять неудовлетворительную практику недостатками теории. На самом же деле наши начальники ожидали от ученых в лучшем случае эмпирических рецептов, а чаще полагали, что сами лучше всех знают что надо делать, ученые им были нужны как козлы отпущения.

Третий пункт: научно-методическое обеспечение внедрения зарубежного опыта. И опять, оказывается, вся загвоздка в прорехах науки. Да поставьте в библиотеку систему автоматического контроля за несанкционированным выносом документов — и дело с концом, не нужно больше никакого научного обеспечения. Оснастите библиотеки системами штрихового кодирования, а инструкции к ним уже приложены, ничего другого выдумывать не надо. И т. д. Не в том направлении ищем. Снова на науку и методiku уповаем, а дело-то всего лишь в презренном металле. Опять перед нами образец номенклатурной спихотехники: институты культуры, видите ли, виноваты. Они мало что делают, чтобы внедрить зарубежный опыт, они только страстно рекламируют его. Власть и деньги предрержащие, надо полагать, делают все как надо, они Б.Н. Бачалдина как бывшего управленца всероссийского масштаба вполне устраивают.

Что касается институтов, то удивляться надо другому: как у них хватает сил на то, чтобы следить за иностранным опытом, как хватает страсти на его рекламирование? За рубеж их не посылают, иностранной литературы их библиотеки не получают, технических новинок да и старинок институты не получают тоже. Даже установленную законом зарплату преподавателям не всегда выплачивают. А у них все еще порох в пороховницах есть.

Еще Б.Н. Бачалдина не удовлетворяют библиотковедческие неологизмы. И опять — мимо цели разговор. Да, есть такой вопрос, заслуживает он обсуждения, но в нем ли в данном случае дело? Допустим, заведомо принимаются все соображения Б.Н. Бачалдина на этот счет, и что это изменит в положении библиотек?

Не сделали вы уроков из происшедшего у вас на глазах обвала. Не хотите вы и Ленина глубоко изучать, ни к чему это вам. И нет у вас сколько-нибудь серьезной конструктивной программы.

Увы, это факт. А В.И. Ленин-то, между прочим, учил постоянно анализировать ситуацию и сам куда каким гибким был хоть в вопросах стратегии, хоть тактики, хоть политики, хоть экономики. Хоть библиотечного дела. Неоднозначный он, Ленин-то, не плоский. А вы — псевдоленинцы, присвоившие себе право называться ленинцами в силу занимаемой должности и власти.

Вы критикуете И. Бендерского и В. Харламова за путаницу и нигилизм. Я их тоже за это критикую. Но в отличие от вас я нахожу у них и много позитивного. Они хоть и стараются изо всех сил уничтожить ленинские идеи, а во многом-то между тем правы. Хотя ничего умнее тех же ленинских идей предложить пока не могут.

Я не согласен с ними и в стиле подачи материалов. "Библиотекведение" понимает плюрализм по-своему. Я приношу статью, журнал ее печатает. Но следом, в том же номере публикует материал этих авторов, дискредитирующий мою работу. При этом редакция ставит меня с оппонентами в неравноправное положение: они мою статью читают в рукописи и тут же пишут опровержение, которое я вижу уже постфактум даже как член редколлекгии. Я пишу ответ — конечно, с длительным опозданием — журнал его охотно (что правда, то правда) публикует. Но в том же номере... Словом, сказка про белого бычка. А между тем мои оппоненты сделали критику В.И. Ленина просто-таки самоцелью, а когда аргументов не хватает, они прибегают к таким приемчикам: я со ссылками на факты утверждаю, что перед революцией В.И. Ленин предлагал исключительно демократический, но, к сожалению, никем не принятый подход к свободе печати [Столяров Ю. Полуправда хуже лжи // Библиотекведение. 1993. № 2]. Мне возражают: "Не напоминает ли это изуверской логики террориста: "Вы же не согласились на мои справедливые требования — получили смерть заложников-детिशек" [Бендерский И.Л. Все-таки союзники (Ответ Ю.Н. Столярову) // Библиотекведение. 1993. № 2. С. 54]. Ну что можно сказать по поводу аналогии, в которой логика подлинного демократа приравнивается к логике террориста? Остается только руками развести...

Но невозможно принять и стиль критики, используемый В.В. Серовым, Б.Н. Бачадиным, Р.З. Зотовой, Е.А. Фенелоновым, хотя у меня и нет желания приниматься за его анализ. Скажу лишь,

что он близок стилю призванного ими в союзники еще одного авторитетнейшего библиотковеда — К.И. Абрамова. "... Нельзя согласиться с общей нигилистической оценкой... ленинских идей централизации и планомерной организации библиотечного дела, как это делается в статье Ю. Столярова...", — пишет К.И. Абрамов [Швейцарско-американская система и централизация библиотечного дела // Библиотека. 1992. № 9—10. С. 11]. Где он увидел у меня такую оценку ленинских идей? Статья посвящена анализу соотношения понятий швейцарско-американской системы и централизации библиотечного дела в ленинских работах. И все. О планомерной организации библиотечного дела вопрос вообще не поднимается. Не рассматривается и реакция различных должностных лиц на предложения В.И. Ленина об отчетности библиотек, введении соревнования и т. п.

Самое пикантное в этой части статьи К.И. Абрамова видится, однако, в том, что он резко противоречит сам себе, пытаясь защитить идею централизации библиотечного обслуживания и В.И. Ленина как главного идеолога этой идеи. К.И. Абрамов случайно называет того, кто действительно давал ей общую нигилистическую оценку. "Если бы Ю. Столяров обратился к архивным источникам, это позволило бы ему избежать ошибки и он вряд ли бы стал утверждать, что в первые дни после Октябрьской революции содержательная и организационная постановка библиотечного дела виделась Коммунистической партии целиком децентрализованной... Ю. Столяров не обращает внимания на то, что этот первый декрет... был принят как совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР, подготовленный на многопартийной основе (в его разработке участвовали представители от меньшевиков, эсеров и т. п.)" [с. 11,12]. Вот они-то, по К.И. Абрамову, и требовали децентрализации, а большевики им поначалу уступили. К.И. Абрамов не согласен с моей мыслью о том, что вначале Ленин взял курс на широкую демократизацию, плюрализм, децентрализацию библиотечного дела, а потом под давлением обстоятельств отказался от этого курса.

В чем К.И. Абрамов прав, так в том, что в своих утверждениях я ссылался только на опубликованные документы и первоисточники, а архивные документы не использовал (я ведь не историк). Их использовал К.И. Абрамов, и что же он в них

увидел? Справедливость... моих соображений, а некоторые догадки теперь можно считать фактами.

Кто, по свидетельству К.И. Абрамова, отрицательно оценил кардинальные ленинские идеи по библиотечному строительству? Его современник С.Д. Масловский, которого не устраивало предложение использовать американский библиотечный опыт потому, что он не соответствует социалистической действительности. Рекомендованная Лениным централизация казалась С.Д. Масловскому недостаточной, взамен он предлагал сверхжесткую и тотальную централизацию: слить все книжные собрания в единый фонд, международный по своему назначению и управляемый данным государством; создать на всю республику одну библиотечную сеть (даже две казались ему излишними); обслуживать только "социально ценные" группы, ячейки и т. д. [Абрамов К. "Установить единую библиотеку, дабы не было распыления книжного материала" // Библиотека. 1993. № 7].

Кто же такой С.Д. Масловский? Не иначе какой-нибудь коммунист — крайний левак, революционнее самого В.И. Ленина? Отнюдь нет. Как сообщает К.И. Абрамов, по своим политическим убеждениям Масловский был... эсером.

Не этим ли объясняется тот отмеченный в моей статье факт, что совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР представителем законодательного органа власти не подписан? Но чего же тогда стоит утверждение К.И. Абрамова, что "этот декрет был типичным маневром коммунистической партии, вынужденной в это время идти на уступки, на соглашение и компромисс: она совсем не намеревалась проводить в жизнь эти эсеровские и меньшевистские, на взгляд большевиков, демократические бредни и вводить общественно-государственную форму управления народным просвещением и библиотечным делом" [Абрамов К. Швейцарско-американская система и централизация библиотечного дела // Библиотека. 1992. № 9—10. С. 12]. Интересно было бы от составителя сборника "В.И. Ленин и библиотечное дело" К.И. Абрамова получить (причем в самом сборнике) комментарий, почему большевиками этот весьма демократический декрет подписан, а меньшевиками, эсерами и кем там еще — нет. Только после такого разъяснения и можно судить о том, у кого и какие бредни (выражение К.И. Абрамова) были.

И еще подтверждается: не только М.Н. Покровский, но и С.Д. Масловский убеждали В.И. Ленина в преимуществе идеи централизации перед идеей внедрения швейцарско-американской системы.

Между прочим, согласно воспоминаниям А.В. Луначарского, М.Н. Покровского и других, подобранным ревнителями централизации в сборнике "В.И. Ленин и библиотечное дело" [М., 1987], следует, что в основу библиотечного дела в новой России Ленин хотел положить лучший зарубежный опыт. Об идее централизации библиотечного дела как исходящей от В.И. Ленина никто из мемуаристов не упоминает. Например, А.В. Луначарский в 1924 г. вспоминал, что в следующую после взятия Зимнего дворца ночь, сразу после назначения Луначарского наркомом просвещения В.И. Ленин порекомендовал ему "заимствовать в передовых буржуазных странах все те формы широкого распространения библиотечных книг, которые там выработаны". И еще: "Я думаю, вам обязательно нужно серьезно поговорить с Надеждой Константиновной... Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию" [Ленин и библиотечное дело. М., 1978. С. 483—485]. Эта линия состояла в том, чтобы "... базироваться на активности самих рабочих, на их самодеятельности. Это должна быть планомерная работа, не насаждаемая сверху, а вырастающая с низов... Комиссариат считает, что самый наилучший план организации тот, который отдаст это дело целиком в непосредственное ведение населения" [Крупская Н.К. О библиотечном деле: Сб. тр. Т.1. М., 1982. С. 11].

В статье "Задачи внешкольного образования в Советской России" (начало 1919 г.), в речи и докладе на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию во время агитпоездки на пароходе "Красная звезда" (июнь — август 1919 г., как раз когда С.Д. Масловский выступал со своими радикальными мыслями) тему централизации Н.К. Крупская не поднимала.

Но это так, заметки на полях к вопросу о том, кто из нас с К.И. Абрамовым ошибается. И как еще одна иллюстрация того, как много любителей понимать Ленина так, как им хочется, а не так, как есть на самом деле.

Итак, имелась ли у В.И. Ленина концепция библиотечного строительства в советской России? Несомненно. Ее стержем яв-

ляется установка на интересы трудящихся, т. е. основной массы населения, и качественное превосходство над лучшими образцами постановки библиотечного дела в самых передовых странах.

Сегодня можно констатировать, что эта концепция покоилась на благородных, но утопичных идеалах, поскольку государство не располагало соответствующими ресурсами для того, чтобы реализовать эту концепцию путем одномоментного качественного скачка. Сам В.И. Ленин понял это раньше других, выдвинув идею растянутой на несколько десятилетий культурной революции.

Пережила ли наша страна ленинский этап библиотечного строительства? Тут ответ неоднозначный. Если говорить по большому счету, т. е. с точки зрения реализации генерального замысла руководителя партии и государства, то нет. Имели место лишь отдельные, причем не очень значительные позитивные сдвиги в этом направлении. Из ленинской концепции на вооружение были взяты самые неудачные стороны, к тому же и они воплощались в жизнь далеко не лучшим образом. Идея культурной революции утоплена в болтовне о ней, превращена в миф. Из ленинского наследия библиотечные идеологи и руководители восприняли установку на моноидеологию (хотя у него была одновременно установка и на плюрализм) и на администрирование и в этом отношении весьма преуспели. Демократическая составляющая ленинских взглядов полностью проигнорирована, вернее, заменена словесной дымовой завесой о самом демократичном в мире библиотечном деле.

Настоящий момент характеризуется следующей картиной: сторонники Ленина, а точнее сказать, те, кто субъективно ощущают себя таковыми и выдают себя за таковых, продолжают оправдывать именно и только эти стороны ленинской концепции, а фактически — свою деятельность по их выпячиванию и насаждению. Вот почему так дорога им идея бюрократической, командной централизации. Вот почему они по-прежнему упорно не хотят понять, что В.И. Ленин видел главное в существе, в качестве, названном им швейцарско-американской системой, даже терминологически он отделял централизацию от этой системы союзом "и". Вот почему о централизации написаны горы публикаций и докторская диссертация, а о "швейцарско-американской системе" лишь дежурные строки в работах, посвященных делам давно минувших дней.

И по прошествии времени бывшие руководители не задаются мыслью: "Эх, была бы наша воля сейчас, костыли бы легли за то, чтобы не допустить остаточного принципа финансирования культуры, а библиотечного дела в особенности. Чтобы оснастить наши передовые советские библиотеки такой техникой, такими зданиями, какие и не снились никакой Америке с Японией. Чтобы наши фонды были на порядок богаче зарубежных — выбирай что хочешь, ты свободный социалистический человек, ты узнаешь разные точки зрения, но благодаря этому станешь еще более убежденным сторонником коммунистической идеи". А будет при этом централизация или вам удастся достичь нужных целей иным путем — это вопрос следующий, т. е. второстепенный.

К.И. Абрамов тужит, что ему не удалось внедрить идею централизации в умы наших зарубежных коллег. Не обольщайтесь, выражение "нью-йоркская ЦБС" не привется в Америке. У них даже выражения "система филиалов" нет, несущественно оно для них. Есть Нью-Йоркская публичная библиотека — вот и все. Естественно, что у нее есть сотни филиалов, а иначе какая же это библиотека, как она такой огромный город обслужит? Там умные люди работают, а не Масловские.

Почему же истинный Ленин, призывавший черпать обеими руками хорошее из-за границы, делавший акцент на создании первоклассной материальной базы библиотек, не нужен моим оппонентам? Тем более, что лично каждый из них — вполне заслуженный и уважаемый многими, включая меня, человек, добросовестно трудившийся на библиотечном поприще? Думаю, потому, что тогда они должны были бы, во-первых, идти наперекор своему начальству, доказывая важность и нужность библиотечного дела, но этак и должности недолго лишиться; во-вторых, строить библиотеки, оснащать их оборудованием, добиваться библиотекарям зарплаты академиков (так при Ленине было) и т. п., а это куда как хлопотно. То ли дело: посиживай себе в центре и управляй всеми путем циркуляров, инструкций и приказов. Все от тебя зависят, все на тебя снизу вверх смотрят. Централизация, по определению, есть подчинение периферии центру. Таким образом в этом понятии заложена идея командования, администрирования. А не существа дела. В ней присутствует лишь управленческий аспект. "Нет у библиотекарей каталожных карточек? И крыша про-

валилась? Зарплата нищенская? Научных книг нет? Не забивайте мне голову чепухой. Давайте о главном: вы корове, в смысле доярке, брошюру прочитали? Ах, прочли. Так почему же надои не повысились? Великий Ильич чему учил: "... и чтобы результатом этого стали новые пуды хлеба и угля". В данном случае — мяса и молока. Плохо, плохо вы еще ленинские заветы выполняете. Ну как ты с таким народом коммунизм построишь. Придется новое постановление о повышении роли библиотек сочинять". Да что же ленинского в таком руководстве?!

Библиотековеды, настроенные не менее радикально в противоположную сторону, готовы выплеснуть с водой и ребенка: "Не было у Ленина никакой концепции и не могло быть изначально. Потому что он коммунист. Хуже того — большевик. А то, чего у него не было, усиленно воплощалось в жизнь, причем всеми. Укажите того, кто не воплощал в жизнь ленинскую концепцию библиотечного строительства? Таковые отсутствуют. Вот именно поэтому мы и оказались у разбитого корыта. А не было бы Ленина, так и осталась бы Россия неграмот... Э-э, и была бы Россия передовой страной мира во всех отношениях".

Моя же позиция вначале находилась отчетливо слева от ортодоксальной. К рубежу 1980—1990 гг. ортодоксы благоразумно попрятались. Никто из них не рискнул, например, прийти на "круглый стол" по вопросу о ленинском наследии в области библиотечного дела, устроенный журналом "Библиотекарь" в 1990 г. Радикальным же настроениям требовался мальчик для битья. Но не на вчерашних же начальников замахиваться — настолько-то левые радикалы тоже были благоразумны. Так я на короткое время оказался крайним справа. Ровно год потребовался, чтобы не дать исказить материалы этого "круглого стола", они опубликованы благодаря принципиальной позиции руководителей журнала [Библиотекарь. 1991. № 4].

Мою позицию можно в какой-то мере считать официально поддержанной, поскольку Министерства культуры СССР и РСФСР, Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина именно мне предложили выступить с основным докладом на Всесоюзной конференции "В.И. Ленин и современные проблемы библиотечной науки и практики" (1989 г.). Доклад назывался "Развитие в современной науке и практике ленинских принципов

библиотечного строительства". Новоявленных защитников ленинских идей там тоже не было.

В докладе, в частности, проводились следующие мысли. Интерпретацию ленинских взглядов надо освободить от искажений как слева, так и справа. Главное социальное предназначение библиотек В.И. Ленин видел в том, чтобы они предоставляли возможность для самоорганизации, самообразования, самодеятельности населения. Хозяином библиотеки должно быть население. Настало время полной реализации ленинского предложения свободно оглашать мнения всех граждан. Реорганизация библиотечного дела должна состоять в том, чтобы немедленно и безусловно произвести "... основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки..." [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 132]. Чтобы библиотека могла полноценно осуществлять свои социальные функции, следует обеспечить соответствующую финансовую и материальную базу, для чего немедленно повернуть в эту сторону "весь наш бюджет". К новой жизни — через культурные преобразования, вот с каким последним заветом ушел из жизни В.И. Ленин. Формы введения "швейцарско-американской системы" имеют подчиненное отношение к ее содержанию. Прежде всего это относится к централизации. Между прочим, самое правильное определение централизации как ф о р м ы построения сети библиотек дал в свое время А.И. Пашин, еще один авторитетный формальный лидер библиотечной науки и практики [Пашин А.И. Деятельность библиотек — на уровень новых задач. М.: Сов. Россия, 1976. С. 29]. Кончался мой доклад следующим тезисом: "В основе перестройки библиотечного дела должна лежать ленинская концепция библиотечного строительства".

Мне до сих пор удивительно, чем не устраивают отмеченные стороны ленинской концепции как ортодоксальных "защитников", так и радикальных противников В.И. Ленина. (Не вдаюсь в данном случае в вопрос, чем следует заменить ленинскую концепцию в постперестроечное время.)

Как бы то ни было, но даже если считать вопрос о ленинской концепции библиотечного строительства чисто академическим, т. е. полностью потерявшим актуальность, не вижу оснований для

того, чтобы в ее оценке переметнуться на ту или иную крайнюю позицию. Моя позиция — в центре. Я считаю ее объективно правильной, а субъективно это самая неудобная позиция, она заставляет "держаться круговую оборону", причем неуютен я всем, ибо каждой стороне кажется, что я ближе к другой.

Да, "ломать — не строить". Проще всего сделать научный и политический бизнес на охаивании своих предшественников, тем более, что они не имеют возможности ответить. Но и защищать их надо с очень большими оговорками. Да, все они руководствовались благими намерениями. Но благими намерениями, как известно, дорога в ад вымощена. Впрочем, не только от прежних, но и от новых лидеров библиотечной идеологии кроме деклараций о намерениях пока ничего осязаемого не получено.